

у відповідності з національними інтересами держави, а не егоїстичними вигодами.

Ще одна узагальнююча ідея зводиться до того, що **децентралізацію в українському політичному просторі треба реалізовувати синхронно з європейською інтеграцією**. Це пов'язано з тим, що цивілізований світ має не тільки великий досвід формування політико-правового й фінансово-економічного балансу між центром і регіонами, а й вироблені усталені механізми запобігання сепаратистських тенденцій. Це вкрай важливо в умовах тотальної кризи української державності, суттєвою частиною якої є надмірна централізація влади та зовнішня пропаганда й підтримка сепаратизму. Міцні самоврядні громади – це потужний ресурс у боротьбі із російським окупантом й власним сепаратизмом. Пріоритетне завдання сучасної української політики – створити максимально комфортну соціальну інфраструктуру для задоволення потреб та інтересів місцевого самоврядування як потужного джерела розвитку держави.

Список використаних джерел

1. Боренько Я. Громадянське суспільство і політична влада олігархії / Я. Боренько // Незалежний культурологічний часопис «І». – 2001. Число 21. [Електронний ресурс]. – Режим доступу:

<http://www.ji.lviv.ua/n21texts/borenko.htm>.

2. Перегуда Є. В. Децентралізація як напрям становлення системи публічного управління: проблеми реалізації / Є. В. Перегуда // Проблеми модернізації України: [зб. наук. пр.] / МАУП. – К.: ДП «Видавничий дім «Персонал». Вип. 3: Матеріали Всеукр. наук.-практ. конф. «Європейський вимір реформування публічного управління в Україні», 24 листопада 2016 р. / редкол.: М. Н. Курко. – 2016. – С. 21-23.

3. Політологічний енциклопедичний словник / Упорядник В. П. Горбатенко; За ред. Ю. С. Шемшученка. В. Д. Бабкіна. 2-е вид. – К.: Генеза, 2004. – 736 с.

*Коч Светлана Вадимовна, кандидат политических наук, доцент,
Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова*

РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА БЕССАРАБИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СТАТУСЫ И ПРАКТИКИ

Особенностью Бессарабии является «систематическое пограничное» состояние: между цивилизациями, хозяйственно-культурными центрами, экономическими зонами, информационными и геополитическими пространствами. Сложившаяся многомерность культурной основы и «практики присутствия» обусловили формирование структурной модели и поведенческой схемы в регионе, которые позволяют ему, несмотря на систематическую разделенность и децентрализацию, сохранять «лицо».

С середины I тыс. до н.э. это пространство представляется как спорное, недоосвоенное, пограничное. В XVII в., обозначая эти территории как «*Losa Deserta*», польский инженер Г. Боплана обосновывает необходимость строительства оборонительных систем. Города региона начинали свою историю как фортификационные сооружения: Белгород-Днестровск (Аккерман), Измаил (Смил), Бендеры (Тягин), Килия (Ахиллия) и др.

Тем не менее практически все крепости Бессарабии уже в античный период выполняли функции транзитных центров. Во II–III вв. н.э. Рим, периферией которого были земли Бессарабии, активно протекционировал купцам. Роль контактных зон выполняют греческие и гетуэские колонии, позже – турецкие крепости. Они связывают Средиземноморье и страны Центральной и Западной Европы. В Килие, Измаиле, Аккермане сформировалась соответствующая крупным торговым центрам этносоциальная сегментированная структура.

Современное развитие региона всеми субъектами региональной политики представляется как потенциально перспективное. Существует значительное количество проектов, цель которых – использование транзитного ресурса и интеграция в одну из глобальных региональных систем. Через Бессарабию номинально проходят четыре Международных транспортных коридора. Два из них: «Из варяг в греки» – № 9 и ТРАСЕКА признаны международными организациями естественными транзитными мостами. Значительный транзитный потенциал региона сосредоточен в треугольнике Рени – Галац – Джурджулешты. При этом Украина контролирует порт, Румыния – канал Дунай – Черное Море, Молдова – железнодорожные подъезды.

Социально-экономический кризис в Украине трансформирует пространство Бессарабии в «*остров*», лишая ее достоинств транзитной системы и возможностей геополитического «*коридора*». Бессарабия зависима во всех жизненных ресурсах: газ, питьевая вода, электричество, дороги. Регион соединен с «материком» двумя трассами, которые стратегически уязвимы и требуют радикальных мер восстановления. Тем не менее бессарабские политические элиты традиционно эксплуатируют тезис о Бессарабии как «связующем звене» между Евросоюзом, Тюркским миром и Россией.

Рассматривая регион как геополитический ресурс, власти приграничных государств участвуют в «конструировании» этого пространства. Исторические проекты развития территории: фанариотский проект «Новой Византии», «Греческий проект» Екатерины II; проект земледельческой колонизации А. Корниловича, проекты «Великой Румынии» [2] и «Великой Молдовы» [8]. «Бессарабский вопрос» всегда возникал как элемент в решении «Балканской проблемы» [1]. По большому счету сама Бессарабия рассматривается как часть балканского мира, которому свойственны периферийность и проблемная идентичность [4].

Современная актуализация геополитических проблем происходит как через деятельность общественных организаций и партий – «Наша Бессарабия» (Украина), «Гражданская платформа «*Aciunea-2012*» (Румыния), «Патриоты

Молдовы» (Молдова), так и посредством реинкарнации региональных автономистских проектов («Бессарабской республики», «Буджацкой республики» и др.), проектов этнонациональных автономий («Гагаузской», «Тараклийской», «Болградской» и др.).

Бессарабия, как узел пересечений интересов соседних держав, остается значимым ресурсом для Румынии, России, Болгарии, Турции. Каждая из стран в качестве объекта влияния и присутствия использует население региона. Турецкое присутствие реализуется через систематическую помощь этнически родственному народу – гагаузам – и гагаузской автономии в Молдове, Болгария активизирует связи с крупнейшей этнической группой «зарубежных болгар», Россия и Румыния рассматривают в качестве объекта интереса весь регион.

Если геополитические условия порождают и организуют региональные практики, то схемы восприятия центр-периферийных отношений преобразуют внешние условия в модели действия, осуществляемые на уровне групповых и индивидуальных практик, о чем свидетельствуют, например, участие граждан Украины в проектах получения этнических карт и льготного гражданства в Болгарии, Греции, Польше, Румынии, России и др.

Активность и дееспособность региональной системы в значительной степени обусловлена ее политической субъектностью на протяжении длительной истории. Формирование региональной системы оформлено с XVII в., о чем свидетельствует использование названия Бессарабия, Буджак в международных договорах и документах, картах Молдавии, Валахии, Польши, Османской империи, Крымского ханства Венеции, России и др. [5 ; 11, с. 220]; они используются в административном делении Османской и Российской империй, упоминаются в исторических описаниях, демонстрируя значительный уровень фактической автономности и региональной дееспособности [9 ;10].

Удаленность от политических центров обусловила в XV – XVII вв. активность стихийного заселения из Дунайских княжеств, России и Польши. Беглецов всех национальностей объединяло отрицание ценностей государственного управления. Однако уже в конце XVIII в. Бессарабия была разделена на молдавскую, турецкую и ногайскую зоны управления. Именно в этот период начинает складываться *сегментарная этносоциальная структура*, ставшая типичной для региона. Формируется принцип этносоциального сегментирования, согласно которому границы этнических и конфессиональных групп значительно совпадают с социальными.

В период с 1711 по 1812 гг. Бессарабия 5 раз меняет политическую принадлежность. Это вело к деструктуризации этно-конфессионального состава населения и всей социально-культурной среды. Вслед за выселением ногайцев началось заселение территории православным населением, которое было лояльно в отношении к новому политическому центру. Этническую карту сформировали молдаване, потомки казаков, болгары, сербы, албанцы, греки, армяне, немцы и др.

Благодаря «особому» статусу региона в так называемый «период иллюзий» оформился *каркас ментального образа*, который впоследствии

привел к формированию устойчивого имиджа региона: самостоятельного, культурно-обособленного, автономного. Имперская система нуждалась в поддержке региональной элиты и в ситуации острой нехватки кадров признавала местные правовые традиции. Помимо привлечения к сотрудничеству аристократии, целью административного эксперимента являлась победа в борьбе за лояльность политических элит Молдавии и Валахии, находившихся под контролем Порты и Габсбургской империи.

Социальная инфраструктура региона формировалась исходя из особенностей нового пространства. Управление строилось через *«Канцелярию опекунов иностранных поселенцев»*, которая функционально приравнивалась к государственным коллегиям. Населением занималась Бессарабская контора в составе Попечительского комитета об иностранных поселенцах. Устройство замкнутой административной системы было продиктовано как протекционистской политикой государства, так и планами относительно расширения влияния на Балканский регион. Законодательное закрепление эта политика получила в Уставе образования Бессарабской Области от 29.03.1818 г., Указе Правительствующего Сената от 29.12.1819 г. и «Уставе о колониях иностранцев в Империи» 1832, 1842 и 1857 гг. В отношении региона утвердилась *«логика «наместничества»*, подразумевавшая апелляцию к самоценной «памяти» региона [7]. Особый интерес с точки зрения исторической памяти представляет положение Устава о правах и преимуществах жителей, которые в значительной степени консервировали историческую социальную структуру региона. Местное дворянство получало права и преимущества российского дворянства, сохранив древние молдавские привилегии. Несмотря на последующие процессы унификации и потерю статуса особого административного региона в 1828 г., Бессарабская область осталась причисленной к льготным губерниям России, чем продолжало пользоваться местное купечество.

Создание для отдельных частей государства *«особых высших учреждений»*, по словам немецкого политолога XIX в. Г. Еллинека, создает *«провинциальную систему управления... при помощи самих заинтересованных лиц»* [3, с. 38]. В 30-40-е гг. XIX в. административный аппарат в органах управления «задунайскими переселенцами» состоял как из сословий Российской империи (военных, дворян, мещан), так и из среды переселенцев (на уровне сельских и окружных приказов). Такое внутреннее самоуправление в рамках территориального образования традиционно понимается как «локальная автономия», о чем замечает в своей книге о немцах Бессарабии У. Шмидт, профессор Института политических и социальных наук Свободного университета Берлина [12].

Значительная доля управления передавалась непосредственно самим группам, которые согласно действовавшим Указам получали право на собственную социально-правовую регламентацию в рамках этно-конфессиональных границ. Так, культурные отличия не только поддерживались социально-экономическими механизмами, но и становились их заложниками в

процессе организации социального порядка и социальной инфраструктуры. Образ осваиваемого пространства как фрагментированной системы автаркийных сообществ, складывался как рефлексия на повседневную практику. Границы пространства региона определялись границами действия *особых условий* для проживающих групп.

Важно отметить, что успех социально-экономической адаптации этнических общин обусловлен сформированным групповым конформизмом переселенцев, оказавшихся в новом социальном пространстве, формирование которого происходило при их участии. Ощущение «социального мира» в таких условиях могло существовать только на базе социального ресурса, которым группа обладала в момент переселения.

Принцип групповой адаптации предполагал выбор и закрепление за группой хозяйственной ниши, сохранение традиционного сектора и формы хозяйствования. Хозяйственная специализация в перспективных отраслях экономики обеспечивала успех на внутреннем и внешнем рынках, гарантировала закрепление за группой «права на присутствие / проживание», то есть *коллективное право на жизненное пространство*, что отражено в топонимике региона и иконографии. Менее чем за двести лет сформировалось групповое этно-региональное сознание: в идентичности жителей помимо этнического компонента закрепился региональный. Это привело к появлению таких форм самосознания как «бессарабец», «бессарабский болгарин», «бессарабский немец», «бессарабский грек», «молдавский раскольник» и др. Следует отметить устойчивость такой идентичности у групп даже после выселения из региона. Так, немцы, переселенные по соглашению между СССР и Германии в 1940 г. из Бессарабии, организовали в г. Меглингене под Штутгартом общество бессарабских немцев, оно считается самым активным среди современных немецких землячеств [6]. Сформировавшиеся в Бессарабии этнокультурные сообщества включили в структуру своей идентичности данную территорию, в пределах которой были изначально созданы условия для самостоятельного существования большинства из них.

На протяжении 150 лет Бессарабия 7 (!) раз меняла место политической «прописки». Примечательно, что каждый политический центр по сути «признавал» обособленность данной территории или, по крайней мере, «особые условия», связанные с включением в состав государства.

Такие условия развития региона объясняют формирование и поддержание устойчивой системы локальных идентичностей, которые в силу своей «трансформности» могут обеспечивать социальный порядок и сохранять дееспособность в условиях политической неопределенности. Локальная идентичность удобна, так как позволяет группам приспосабливаться к различным геополитическим трансформациям, сохраняя неизменными, основные элементы социокультурной системы. В то же время необходимость объединять несколько культурных и национальных ориентиров, сохранять способность и возможность активизировать определенные векторы культуры в зависимости от потребности, быстро и благодаря незначительным внешним

моделированиям сохранять положительную идентичность, внутреннюю комплиментарность в регионе обусловила формирование множественной иерархической идентичности в рамках исторических этнических общин (греко-болгары, болгаро-гагаузы; греко-гагаузы; албанцы-болгары-гагаузы; молдавo-румыны). Формирование такого феномена объясняется: общей историей переселения и близкой культурой; в момент переселения этническая идентичность уступала конфессиональной, поэтому переселенцы выступали как единоверцы.

В результате анализа процесса конструирования региональной системы как условия пограничного статуса и практик, следует выделить не только локальные культурные анклавy – отдельные этно-социальные группы, но и акцентировать внимание на способах их взаимного интегрирования, способности сосуществовать в значимых ментальных пространствах, в инкорпорированных структурах, которые определяют схемы практического действия.

Список использованных источников

1. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. – М.: «Индрик», 1996. – 380 с.
2. В Румынии раздаются призывы воспользоваться ситуацией в Украине для возврата «своих» территорий / Мультимедийное информационное агентство OMEGA 25.01.2014 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://omg.md/ru/114390/>.
3. Еллинек Г. Конституции, их история и значение в современном праве / Г. Еллинек – СПб.: Голос, 1906. - 48 с.
4. Карастоянов С. Особенности на съвременното политикоеографско положение на балканските страни // Карастоянов С. Балканите / Политикоеографски анализи. – София, 2002. – 144 с.;
5. Мустафа А. Турецкие документы об истории Румынии, 1791-1821/ А.Мустафа. - Бухарест, 1986. - 293 с.;
6. Немцы Бессарабии. Официальный сайт общины // [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <http://www.bessarabien.de/index.php>.
7. Таки В. Историческая память и конструирование региона после присоединения к империи: особая форма правления в Бессарабии в 1818 - 1828 гг./ В.Таки // Abimperio. – 2004. – № 3. – С. 145-174.
8. Фундамент Великой Молдовы. Как рождается новая национальная идеология. Сборник статей [Электронный ресурс]. – Кишинев; Одесса, 2008. – 164 с. – Режим доступа : URL: <http://common.regnum.ru/documents/moldova-foundation.pdf>.
9. Челеби Э. Книга путешествия: (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в.). - Вып. 1: Земли Молдавии и Украины /Э.Челеби – М.: Изд-во вост.лит., 1961. – 338 с.
10. Шевалье П. Історія війни козаків проти Польщі з розвідкою про їхнє походження, крапну, звичап, спосіб правління та релігію; другою розвідкою

про перекопських татар. Пер. з франц. Ю. Назаренко вид. 1663 р. - К.: Томіріс, 1993. – 224 с.;

11. Jorga N. Studii istorice asupra Chilieii și Cetații Albe. – Bucuresți, 1899. – 223р.

12. Schmidt U. Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. – Potsdam, 2008. – 420 s.

*Дмитренко Оксана Сергіївна, кандидат політичних наук, доцент,
Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова*

**ІСТОРИКО-ПОЛІТИЧНІ ТА ПОЛІТИКО-КУЛЬТУРНІ
ПРОБЛЕМИ СТАНОВЛЕННЯ МІСЦЕВОГО
САМОВРЯДУВАННЯ В УКРАЇНІ**

Демократія, як влада народу, є абсолютною фікцією без прямої участі громадян в управлінні суспільством та їх впливу на прийняття політичних рішень. Сьогодні в Україні за допомогою інституту виборів народ може самостійно обирати політичну владу як на загальнодержавному так і на місцевому рівнях. Можна обрати демократичну владу, але результат на шляху до демократичних перетворень буде нульовим. Для побудови демократичного суспільства і демократичної влади необхідно щоб влада опиралась на суспільство, а це можливо лише за умови розвиненої системи місцевого самоврядування.

Проблеми історії та становлення місцевого самоврядування в Україні розкривалися в працях багатьох вітчизняних дослідників. Серед них можна виділити роботи І. Кресіної, М. Корнієнка, І. Козирева, О. Власюк, А. Колодій, В. Войтенко, М. Сидорчук, А. Андрієвського, М. Пухтинського, С. Серьогіна та ін.

Процес впровадження політико-адміністративної реформи в нашій країні було розпочато ще з часів здобуття незалежності. Однак, перед місцевим самоврядуванням існує велика кількість проблем, які не були вирішені у попередні роки і до сьогодні залишаються гальмом для подальшого просування реформи. До них можна віднести економічні, фінансові, матеріальні, правові, управлінські та інші. Ми б хотіли зупинитися на суті політико-культурних проблем, що існують в Україні у сфері місцевого самоврядування. До них можна віднести: не сформованість незалежного громадянського сектору, соціальних ініціатив; нерозвиненість форм прямої демократії; відсутність у жителів навичок безпосередньої участі у вирішенні питань місцевого значення; соціальна дезінтегрованість територіальних громад та неспроможність жителів до солідарних дій із захисту своїх прав і відстоювання інтересів у співпраці з органами місцевої влади та досягненню спільних цілей розвитку спільнот тощо.

Аналізуючи причини гальмування реформи місцевого самоврядування в Україні, один із авторів успішного впровадження реформи місцевого